

Книга: Легенда о великом старце

Светов Феликс

Легенда о великом старце

Феликс Григорьевич Светов (Фридлянд)

(1927-2002)

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ СТАРЦЕ

Рассказ

Они уселись в маленьком зале - полуподвале. Новиков никогда здесь не был. Пока шли по улице, ныряли в переулки, он не смотрел на дорогу...

- Тут, - сказал Слава и толкнул дверь.

Новиков задрал было голову прочитать вывеску, но не успел: "Птица" или "Синяя птица" - кафе, одним словом.

Слава взял карточку, повертел и поднял на Новикова глаза:

- Знаете, Сережа... У меня родилась идея. Мы не знаем друг друга, встретились, можно считать, случайно. Пообедаем - разойдемся, увидимся ли еще?.. А разговор у нас, чувствую, пойдет о самом главном... Пить будете? Я-то совсем не пью.

Подошел официант, сонный, безразличный.

- Вы нам вот что... - сказал Слава. - Пожалуйста, две ухи и чаю с вареньем.

- Чего? - открыл глаза официант.

- Вишневого, пожалуйста. А нет, тогда повидла или чего-нибудь в этом роде.

- Коньяк, - сказал Новиков. - Если вы не пьете, мне двести грамм.

- Всё? - спросил официант.

- Всё, - сказал Слава. - Не догадались?.. Эх, вы. Ну, я потом объясню. Прошлый раз мне хотелось вас раззадорить. Такое, знаете, детское чувство, как комплекс неполноценности: нас, только что пришедших в церковь, все считают как бы людьми второго сорта - обязательно норовят уличить в незнании, в излишней экзальтации, она тоже почему-то раздражает. От этого протест - а чего, мол, стоят ваши знания и укорененность, одна косность и неподвижность!

Тут Новиков впервые пожалел, что согласился пойти с ним: как же он позабыл, кто такой этот Слава! Вот и станет час, два, пока они будут хлебать уху - да откуда здесь уха! - нести всю эту детскую околесицу...

- Я вижу, вы уже сердитесь? - смотрел на него влажноватыми глазами Слава. - Конечно, интеллигентский лепет... Но согласитесь, о чем же еще, так вот случайно встретясь, разговаривать?

Подошел официант с подносом. Поставил графинчик с коньяком, бутылку воды, салат, нарезанную колбасу, сыр.

- Не по программе, - буркнул Слава. - А где уха?

Официант не посмотрел на него: забрал поднос и ушел.

- Попробуйте выполнить программу, - нахмурился Слава. - Ладно, не в Европе.

- А что за программа? - полюбопытствовал Новиков.

- Хорошо, я вам открою карты... Вы прошлый раз заметили, что какой, мол, я философ, не знаете, а легкомыслие углядели. В чем оно вам увиделось? Что я открытыми глазами, без косности и предвзятости могу глядеть на то, на что вы, именно в силу косности и предвзятости, и глядеть не хотите?

- Так точно, - сказал Новиков, - как раз в этом и углядел.

- Об этом я и хочу с вами разговаривать.

- Здесь? - искренне испугался Новиков.

- Сто лет назад, - начал Слава, - в похожем месте, в городе Скотопригоньевске, встретились два человека. Они, правда, были братья и помоложе - старшему двадцать три года. Ну, тогда не так развивались, это у нас до тридцати лет все замерзшие, а кое-кто и до сорока дотягивает. И заказали они - те братья, если помните, уху и чаю с вареньем. Вишневым, между прочим.

- Вот оно что! Так не о том ли мы с вами будем разговаривать - что вы этого мира не принимаете? Простите, мне на самом деле не интересно.

- "Како веруеши?.." - это должно быть вам важным? Не про Господа Бога, не пугайтесь - есть Он или Его нет, не о том, как оправдать человеческую мерзость. Не с вами говорить, что Он есть, а мерзость вы превосходно оправдываете. Или объясняете. Во всяком случае, "мир принимаете", "билет" не собираетесь возвращать. Или, может быть, "бунт"?

- Не может быть бунта, - спокойно сказал Новиков.

- Но ответственность вы чувствуете, не можете не ощущать собственную вину за всё, что произошло?.. Хорошо, чтоб вам было понятней. Я, так же как один из тех братьев, которые уху запивали чаем в паршивом трактире сто лет назад, сочинил поэму. Не сочинил, а переложил. Не спародировал, а всего лишь осовременил. Очень скромно. Но это не плагиат, увидите.

- Вы читать будете?

- Нет, она у меня не записана. Пересказать могу. Она так и называется, почти как в подлиннике: "Легенда о Великом Старце". Рассказывать?

- Ну что ж, - сказал Новиков, - если хотя бы еще и чаю дадут, как в подлиннике, пожалуй...

- Конечно, без предисловия никак нельзя, - сказал Слава. - Действие происходит у меня в середине 30-х годов, могу сказать даже точно - в 38-м, в январе или начале февраля. Не случайно, как раз в то самое время Булгаков написал свой роман. Про чертовщину. О Христе вспомнил. Правду сказать, Христа у него нет - история про Пилата и про самого мастера-автора. Но, тем не менее, ощущение присутствия дьявола было тогда, может быть, более явным, чем в любое другое время за две тысячи последних лет. Русские философы в начале века не ошиблись, предрекли приближение конца Истории, не зря виделись им на маковках наших церквей розовые лучи немеркнувшего Дня Грядущего. И явление антихриста предсказывали совсем определенно... Ну, не знаю, во всяком случае, это никак не литературный ход, тут не до сочинительства. Если автор оригинала моей поэмы счел возможным приурочить явление Христа к XVI столетию, полагая, что событий в Севилье, в самое страшное время инквизиции, когда там пылали костры и во славу Божию сжигали по сотне еретиков зараз, достаточно было, чтоб испытать Божие милосердие, то тут, надо полагать, и сомнений нет в правдоподобии моей истории...

- Вы не согласны? - прервал он себя. - Я вам постараюсь объяснить. Если за восемьдесят вершинных лет инквизиции в XV веке сожжено было десять тысяч человек - десять человек в месяц! - а за наиболее кровавый год якобинского террора казнено сорок тысяч человек, около трех тысяч в месяц, то в ежовщину - более пятидесяти тысяч, то есть чуть ли не две тысячи в день. За пять дней - как за всю испанскую инквизицию. Почти каждую полминуты убивали человека.

Почти каждую полминуты! Удивляться надо не тому, что Он появляется у меня в поэме, а как Его в натуре не было. Может все-таки был, да мы Его проглядели? Или согласимся, что, как у Булгакова, дьявол только шалил с писателями и показывал фокусы?..

Новиков молчал.

- Это случилось где-то в провинции, - продолжал Слава, - в каком-нибудь маленьком городе центральной России. Да хоть в Свияжске. Историческое, кстати, место, овеянное русской славой. Но то было, помнится, в XVI веке, когда Иван Грозный воевал Казань. А тут городок прославился совсем другим. Говорят, в Свияжске был открыт в 20-е годы удивительный памятник. В Москве и Питере тогда появились памятники Разину, Марату и Робеспьеру, а Свияжск всех переплюнул - изваяли Иуду Искарота. Это даже вообразить трудно, но страна у нас удивительная, а время было совсем непостижимое.

Он явился тихо, незаметно. Прошел по Свияжску, быть может, остановился возле памятника одному из Своих апостолов... Трудно представить себе, но поскольку свершилось чудо, Он беспрепятственно вышел из города и двинулся дальше, обрастая толпой, - к Москве. Если кажется совсем неправдоподобным, можно толпу уменьшить, пусть сопровождают его несколько человек двенадцать или чуть больше, неважно. Что тут удивительного? Даже в атеистических брошюрах в то время писали о "попах-передвижниках": бродят, мол, от села к селу, в узелке всё необходимое культовое

имущество, потребное для ихнего мракобесия. Еще один появился... Но, как бы то ни было, без особых приключений Он добрался до Москвы.

И все-таки важно, чтоб Его узнали. Его нельзя не узнать. Он идет в Том Самом рабском виде, удрученный и сокрушенный неимоверными страданиями, по заледенелой земле. Он входит в Москву, тихо идет по изуродованному городу, мимо заколоченных, без крестов, обезображенных соборов, разрушенных, оставленных храмов. Он выходит на бульвары, пересекает Пушкинскую площадь а Страстного монастыря уже нет. Еще звенят трамваи, воробьи на мостовой, на бульварах заснеженные деревья, кричат вороны, мимо бегут люди с замороченными лицами, обезображенными страхом и азартом, с пустыми глазами - толпа новых людей, строящих рай на земле, распявших и распинающих своего Бога, своего Христа...

Он выходит на маленькую площадь: бульвары кончились, совсем недавно здесь высился храм Христа Спасителя, почему-то я рад, что нет еще безобразного бассейна, где совсем как в аду в пару кувыркаются голые тела; только что открыли метро, забор вокруг взорванного храма - бездарное, брошенное еще через десять лет строительство.

Он останавливается на площади - и тут Его обязательно узнают. Это начало поэмы, потому что раньше одно художество, а это не мое дело... Вот вам и чай, - перебил он себя.

Официант поставил перед ними два стакана в подстаканниках, нарезанный лимон на блюдецке и вазочку с вареньем.

- Вишневое, - сказал официант и улыбнулся, глядя на Славу.

- Спасибо, - Слава был явно растроган. - А как вас по имени-отчеству?

- Родион Яковлевич, - во весь рот улыбнулся официант.

- Спасибо, Родион Яковлевич, - Слава встал и пожал официанту руку. Тот пошел от них, оборачиваясь.

- Ловко, - не удержался Новиков, - идет вам карта. А говорите, художественно не умеете. Очень даже художественно.

- Простите, - сказал Слава, - я не хочу на это отвлекаться. Вам не скучно?

- Нет, даже интересно, как вы из этого выкрутитесь, - Новиков допил коньяк и отпил чаю.

- Тогда слушайте... Он останавливается на площади, и Его узнают. Как это происходит? Конечно, это чудо. Невозможно представить себе, чтоб те самые люди, которые вчера гадили в храмах, сбрасывали кресты с колоколен, убивали на папертях священников, а во время массовых празднеств глумились над святынями, просто уничтожали церкви - тысячи и тысячи храмов... И это в то время, когда происходили массовые аресты епископов, духовенства, нескрывающихся мирян, после того как в Голгофско-Распятском скиту на Соловках умирающим от голода и жестокостей давали стрихнин, бородатые трупы ставились в притворе церкви к стене - так они занимали меньше места, а потом сталкивались вниз с Голгофской горы... В то самое время, когда антирелигиозную борьбу возглавил лично нарком Ежов, когда декретом за подписью Сталина была объявлена "безбожная пятилетка": "К первому мая 1937 года имя Бога должно быть забыто на всей территории СССР".

А Он стоит на площади, и Его узнают. Что ж, сильна вера, живущая в человеке поверх всего внешнего, что мы называем психологией - страхом или корыстью? То главное, что сохранил русский человек, пронес через века в это чудовищное двадцатилетие? То единственное, что и составляет нашу надежду и упование... А что еще?.. - снова перебил себя Слава.

Ладно, пойдем дальше. Народ стекается на маленькую площадь, каждый хочет прикоснуться к Его одежде. Он поднимает руку, благословляя толпу. И, может быть, успевают приблизиться к Нему увечные и больные, а верней всего - Он излечивает самую страшную болезнь того времени - страх и жалкую расчетливость.

Толпа увеличивается, ее ропот растет, ее сотрясают рыдания и вопли. И это, конечно, слишком для Москвы той поры.

С Волхонки выезжает автомобиль, врзается в толпу, останавливается, и из него выходит белобородый старик в архиерейской мантии, в белом митрополичьем клобуке, с посохом. Он немощен, его бледное лицо изборождено морщинами. Он мгновенно всё понимает, оценивает ситуацию, затем кивает выскочившим за ним из машины трем в кожаных куртках и фуражках с топорщащимися задними карманами. Они рассекают смолкшую толпу и подходят к Нему, безмолвно взирающему на них. "Пройдемте", - говорит тот, кто подходит первым.

Толпа бухается на колени, а Он, так же безмолвно, идет живым коридором между этими в коже к еще одной, подъехавшей следом за первой, машине. Это нормальный "воронк". Может быть, на нем написано "Хлеб" или "Мясо", а может быть, ничего не написано - еще через десять лет додумались.

Дверца открывается, пропуская Его, захлопывается, машина тут же отъезжает. Старец святительским крестом благословляет молчащую толпу и садится в легковой автомобиль... Вот это, кстати, немаловажно благословляет он толпу или нет?

- Для чего вам? - нахмурился Новиков.

- Для моей поэмы, - сказал Слава, - чтоб понять этого человека и то, что произошло. Не в поэме, Бог с ней, в конце концов, мое частное дело. В натуре, в нашей жизни - как это могло случиться?

- Да о чем вы? - спросил Новиков с некоторым раздражением от того, что перестал его понимать. - Сначала вы начали эту свою... фантазмагорию, потому что мне что-то там должны были объяснить, хотя я вас об этом не просил. А теперь, оказывается - ваше частное дело? Но тогда зачем оно мне?

- Сейчас поймете. Сначала поэма - потом вывод. Машина везет Его на Любянку. То, что там происходит, я опускаю, представить Его проходящим процедуру, о которой теперь уже дети знают, было бы бестактностью и кощунством даже в такой, как вы говорите, фантазмагории.

Его отводят в камеру, дверь захлопывается. Он остается один. Камера-одиночка, бокс: окна нет, деревянная лавка, столик, табурет, оливково-масляные стены сверкают в бессонном свете ослепительной, забранной сеткой лампы. Ночь никак не пахнет "лимоном и лавром" - не Севилья; отодвигающийся щиток глазка... Наконец гремит замком железная

дверь, старшина с пустыми глазами пропускает в бокс древнего старца в полном облачении, в белом клобуке. Дверь за ним закрывается. За всё время их разговора щиток на глазке ни разу не сдвинулся.

Старец останавливается посреди бокса и долго, пронзительно смотрит на зека, сидящего на деревянной лавке. Ничего, кроме сострадания он не может прочесть на тихом и ясном Его Лице.

Старец придвигает к столу табурет и садится, облокотившись спиной о стол.

"Это Ты, Ты? - спрашивает он Его, как в подлиннике, и, как в подлиннике, не получив ответа, поспешно прибавляет: - Не отвечай, молчи. Да и что Ты можешь сказать? У Тебя и права нет ничего прибавить к сказанному Тобой прежде, ибо каждое произнесенное Тобой Слово было бы Судом - а Суда не будет. Вот так - не будет Суда, если кто-то осмелится сказать, что его еще нет!

Зачем Ты пришел? - продолжает старец. - Ты хочешь помешать нам? Ты еще не понял, что это невозможно, еще не знаешь, что будет с Тобой на рассвете? Я один знаю Кто Ты, но я промолчу, а если бы и сказал, это ничего не изменит, а всего лишь прекратит мою собственную жизнь. Причем так же мгновенно. Завтра, ну, может, еще через день или через месяц - важно ли это? - Тебя всё равно шлепнут. При этом не будет суда, Тебя никто не увидит, и о том, что здесь, в подвале, произойдет, никто никогда не узнает. Три подписи таких же мертвецов, как те, кого Ты видел ночью, - и Тебя нет, а свидетельство об этом будет храниться вечно...."

Тут ему покажется, что зек усмехнулся.

"Не веришь, думаешь, вечность не в нашей власти, она принадлежит только Тебе? Или, быть может, Ты надеешься, что толпа, узнавшая Тебя на площади, о Тебе не забудет?.. Мало кто из них доживет до завтрашнего дня. Или Тебя провести по камерам, таким же, как этот бокс, и Ты хочешь посмотреть в их глаза? Они уже выскребли из памяти всё, что было вчера, они не вспомнят о Тебе и в последний миг, когда услышат щелчок взведенного у затылка курка, а их дети знать не будут, проходя через ту площадь, что когда-то там высились белые стены Храма и сияли золотом купола и кресты... Ты всё еще мне не веришь?.."

- Подождите, - остановил его Новиков, - кто этот Старец? Какая-то достоверность должна быть в вашем сочинении? Ну, если он не чекист - хотя как он тогда прошел в этот бокс? Ну, предположим. Но атеист несомненный? Почему тогда клобук и святительский крест?

- Ах вот вы о чем!.. От вас я не ожидал такой наивности, - сверкнул глазами Слава. - Извольте, такое отступление необходимо в поэме. Даже весьма поучительно. Стало быть, вам непонятно, кто этот Старец? Пройдет несколько лет, он умрет, и встанет вопрос о его канонизации. А сколько будет говорено о его "ясной и чистой" жизни - "житии Великого Старца", - не я выдумал, так писалось в трудах, посвященных его жизни и служению: неотразимый образ святости, душа Русской Церкви, ее мозг, сердце, источник ее силы, виновник ее славы, новый молитвенник за русскую землю, величавший церковный руководитель, крупнейший ученый, Великий Святитель; его благословенное имя назовут рядом с именами мудрого Филарета, святого Еρμοгена - "как некогда Василий Великий он возжег огонь для всей вселенной...". Мало вам определений? Хотите еще?.. Великий Старец, Блаженнейший Митрополит Московский и Коломенский или, если угодно, Святейший Патриарх - Сергей Страгородский.

- Тогда совсем ничего не понять, - сказал Новиков.

- Не понимаете или понять не хотите? Разные вещи. Могу дополнить. Сергей Страгородский - один из авторитетнейших иерархов Русской Православной Церкви и известный богослов еще до революции, кончил, как я уже имел удовольствие вам доложить, Великим Святителем земли русской и Патриархом. А прожил, между тем, весьма пеструю жизнь. Был он одно время и председателем на заседаниях знаменитого Религиозно-философского общества в Петербурге, и в распутинском синоде сидел, а потом в синоде при Временном правительстве, и на Великом Соборе семнадцатого года - крупный деятель, и в обновленчество отпал одним из первых, и к Тихону первым вернулся, как только тот возвратился из тюрьмы на свое патриаршество, и припадал к каменному полу - без клобука, без пангии, креста и посоха, дрожащим голосом принося покаяние перед вершителем его судьбы Святейшим Патриархом Тихоном. Надолго ли хватило его покаяния? Много ли месяцев прошло до столь "своевременной" кончины Святейше-го Тихона, а как повернулось "житие" митрополита Сергея? Попробуйте проследить за всеми хитросплетениями его ходов в борьбе за захваченную им, вполне, впрочем, мифическую власть заместителя Местоблюстителя, из которой он, тем не менее, сумел сделать власть настолько реальную, что одного за другим поверг в прах всех подлинных святителей - от вздумавшего проявить самостоятельность митрополита Иосифа до митрополитов Кирилла и Агафангела, до самого Местоблюстителя митрополита Петра, с которым играл совсем как кот с мышью! Вчитайтесь на досуге в документы истории нашей славной Церкви за последние полвека - можно достать, захотеть надо, а не сегодня-завтра вообще всё опубликуют! Тут такой Шекспир, такой накал страстей, никак, кстати, не благочестивых, такая высота взлета и бездна падения... А как он, несмотря на всю свою изворотливость, оказался в тюрьме в 26-м году? Как вышел оттуда через пять месяцев в то самое время, когда его коллеги один за другим поднимались на Голгоф-скую гору? А о чем он три дня беседовал с Афанасием Сахаровым - в одиночке, во внутренней тюрьме ГПУ? Про то мы не узнаем, а вот что епископ Сахаров после тех бесед был отправлен на Соловки, причем за принадлежность к группе архиереев, возглавляемых митрополитом Сергием, а сам митрополит Сергей вышел на свободу и занял захваченное им, ставшее к тому времени совсем реальным, место заместителя Патриаршего Местоблюстителя, - это нам доподлинно известно. Не слишком ли пестро для Великого Старца и Святителя? Каких вам еще реалий подбросить - фона для моей поэмы? Я не роман пишу...

- Хватит реалий, - сказал Новиков.

- Конечно хватит. Хотя, с другой стороны, если б кто собрался написать роман, именно этот фон так бы заиграл! Но у меня главная реальность не в фоне, а в личности героя. Состоялась ли на самом деле на Лубянке их встреча - да не с епископом Сахаровым, а со Спасителем? - про это мы, конечно, доподлинно не знаем. Ладно, не было ее - поэтическая мысль, фантазия. Но что он сам с Собой об этом разговаривал, что обращался к Нему мысленно или в молитве - кто усомнится? Тем более, Он-то всё равно молчит, за всё время их "разговора" - так и в подлиннике, и в натуре иначе быть не могло.

Тут надо бы получше разработать психологически: как с ним, со Старцем произошел этот слом, когда? Мне думается, случилось это в первый год революции, человеку с таким духовным опытом и первых месяцев было достаточно: Россия рухнула, сошла с круга, развалилась в куски, слиняла в три дня, как сказал известный писатель. Оглушительный свист, кровь, мрак и главное, может быть, ничтожная, мелкая, корыстная мерзость - бесы

вырвались на волю, закрутились в бешеной метельной пляске над гигантской территорией, ни зги не видать! Почему он так ослеп, почему не стал различать в кровавой крутящейся мгле? Это другое дело, не мне судить. Вы говорите - чекист, атеист? Не знаю. Не решусь сказать. Понимайте, как хотите... И вот они вдвоем, в боксе, под слепящей двухсотсвечевой лампой... Разве не реально?

- Нет, не реально, - ответил Новиков.

- Опять нет! Да не про Сергея я, Бог с ним, как вы понять не можете! Я поэму излагаю, пытаюсь доказать ее символическую реальность, мне важна достоверность не фактическая, я хочу постичь идею - не зря всё время ссылаюсь на подлинник!

- Предположим... - буркнул Новиков.

- Ну хоть так, спасибо... "Ты прошел по всей стране, - говорит Старец, - поглядел, довольно с Тебя? Ты, слышал я, и в Свияжске побывал, видел Своего апостола? Всё у нас известно, о каждом Твоем шаге доложено, могли б и сразу забрать, да любопытно было, к тому ж не мешает взять на заметку всякого, кто пойдет за Тобой. Вот Тебе первый результат Твоего Явления: следом за Тобой, той же кровавой дорогой пройдут сотни, тысячи ни в чем не повинных глупцов. А если бы мы не остановили Тебя здесь, на площади перед бывшим Храмом, что могло б стать - Ты отдаешь Себе в этом отчет? Еще бы час, толпа увеличилась, площадь бы оцепили, подошли танки, пулеметы на крышах... Что могло помешать залить площадь кровью? Чуда не могло произойти, Ты отказался от чуда и две тысячи лет назад - захотел свободной веры..." "Вот, Ты теперь увидел этих свободных людей", - цитирую я подлинник, чтоб не тянуть и не размазывать, мне мысль важна. А здесь она в самую точку.

- Так это пародия? - спросил Новиков.

- Нет, трагедия, - ответил Слава. - Послушайте, что он говорит дальше. "Ты хотел проявить милосердие, - продолжает Старец, - сердце не выдержало донесшихся до Твоего слуха стенаний и воплей миллионов? Верно, не было еще на земле такого. Слезу ребенка, в клочья борзыми разорванного, можно перенести - он и слезинки не успел пролить, как душа отлетела. А что происходит здесь, за этими стенами, в сотнях таких же боксов, под лампами, в тундре, на лесоповале, в шахтах, в штрафных изоляторах, в мерзких загаженных бараках, в женских лагерях, на пересылках?... Не выдержало Сердце, понимаю. Чье сердце выдержит - а Ты за всех плачешь. Перенасытилось. А кто в этом повинен? Можешь ли Ты Своими силами это остановить? Молчишь? Ты скажешь, мы сами виноваты, Ты дал нам заповеди, а мы их не соблюдали, Ты дал нам Церковь, а мы превратили ее в капище, и нечего удивляться, что богоносный народ первым делом ее разгромил и загадил? Сейчас легко говорить, а с Твоей высоты судить не хитро. Меня и судят сейчас мученики, пожелавшие остаться незапятнанными, выбравшие самый простой и короткий путь восшествия к Тебе. Самый простой для избранных - но годится ли он для миллионов Твоих чад, чьи стенания донеслись к Тебе и заставили снова прийти в этот мир? Те мученики сегодня и есть самое страшное зло на этой земле. В них говорит гордость, а не смирение, эгоизм, а не любовь к ближним. Не Ты ли Сам сказал, чтоб мы были мудры, как змии? Не Ты ли утверждал, что всякая власть, допущенная Богом, должна привлечь благословение Церкви? Но ведь и эта власть попущена? Дал Ты нам право понимания, является ли она воистину Божией слугой и, в конечном счете, не приведет ли она к добрым делам через самое дикое зло и неисчислимые страдания? Разве гармония с государством за тысячу лет православия в России не стала позорищем и соблазном? А если так, то не в наказание ли это Божие попущение, на которое нам должно

ответить только смирением и истинным благочестием, а не вызывающим еще большее кровопролитие бунтом и гордыней? Не на словах, а на деле доказать свою лояльность власти, подчинив ее требованиям всю жизнь Церкви, со всеми ее догматами и преданием, всеми канонами и богослужебным укладом. Не только из страха, но и по совести, как учит апостол, осознать себя гражданами нашего нового Отечества, искренне, чтоб ощущать его радости и успехи нашими радостями и успехами, а всякий удар против нового Отечества, каким бы он ни был - войной, убийством из-за угла или злонамеренным инакомыслием, - ударом, направленным в нас, в Твою Церковь..."

- Примитивно, - сказал Новиков, внезапно для себя разволновавшись, какая-то мертвая, рожденная горячечным воображением схема. Я понимаю, если это роман, без претензий на реальное изображение событий, как и есть в подлиннике. Но вы-то предупредили меня, кого имеете в виду?

- Как же, конечно, примитив! У вас в душе всё сложно, с простым объяснением себя кто сегодня согласится... Да что вы в конце концов! перебил себя Слава и покраснел. - Выдумал я хоть что-то, чего нет в знаменитой "Декларации" Великого Старца Сергия Страгородского, которая сегодня - краеугольный камень страждущей Церкви? Дух ее я точно изложил, а "ваши радости - наши радости" - не его ли формула, от которой стон пошел по всей земле, а на Архипелаге залпами отзывался?

- Божье - Богово, - сказал Новиков, продолжая волноваться, - а кесарю - кесарево. Такую логику вашего Старца я готов понять. Раз было попущено, не нашего ума дело, коль мы в Бога веруем, противоборствовать попущению. Но у вас он ведь кесарю отдает Богово, так, что ли? Причем, не в силу обстоятельств, от него не зависящих, не по слабости или неразумению, а принципиально, по совести - и того же требует от других? Он у вас, действительно, атеист, если не чекист, как я уже сказал. Какая тогда проблема? Во всяком случае, не духовная. Как бы вы точно ни цитировали, как бы близко ни излагали дух подлинных документов, если будете подменять живого человека схематической идеей и в то же время ссылаться на факты, вам глубину реальности не передать и трагедию не постичь.

- Может быть, - вздохнул Слава, - я не поэт. И предупреждал, чтоб не ждали художественности. Смысл моей легенды только в ее реальности. Или, если хотите, в подлинности. А какой вы сделаете вывод из услышанного по своей собственной совести - ваше дело. Старец кажется вам атеистом? Это первый шаг к выводу. А как же, скажете вы, на нем облачение митрополита и патриаршья власть над Церковью? Вот вам и второй шаг. А как же тогда с патриаршей благодатью, спросите вы, если она захвачена всего лишь с помощью кесаря? А я вам отвечу: это третий шаг. Но я, заметьте, не сказал, что он атеист. Я вам, напротив, только что говорил, что ничего не знаю об этом. И судить не берусь. Действительно, не нашего ума дело. Вы не видите в моей легенде духовных проблем, всего лишь, очевидно, социальные или политические? Но позвольте, я только и говорю о духовных проблемах! Там, в подлиннике, который я, по-вашему, пародирую, Великий Инквизитор пророчествует о социализме, рисует страшную, хотя и весьма приблизительную, как во всяком пророчестве, картину создания "рая" на земле. Моему Великому Старцу нечего пророчествовать - социализм в одной отдельно взятой стране построен. Пророчества сбылись, и вековые чаяния человечества осуществились. Великий Инквизитор сам был властью, по мановению его руки толпы людей, отдавших ему свою совесть, всходили на костры, сами для себя подгребали уголья, он раздавал хлеба, сам держал в руке меч кесаря. Там, действительно, некая католическая идея, доведенная до социалистического абсурда. У моего Великого Старца логика Великого Инквизитора вывернута наизнанку. Он проповедует смирение перед властью, у него до абсурда

доведено, прежде всего, православное сознание. Русская Церковь, находившаяся всегда в подчинении и рабстве у право-славного самодержца, лежит теперь у ног атеистического молоха. Ее подчинение тотально, она рукоплещет поруганию святынь, гонениям на Христа, безбожию и человеконенавистничеству.

"Несть власти, аще не от Бога" - было это сказано нам? - вопрошает Великий Старец зека, сидящего против него на деревянной лавке, под бьющей в глаза двухсотсвечевой лампой. - И вот, Твоим попусшением данная нам власть провела невиданный в истории эксперимент. Она дала свободу миллионам людей на гигантской территории. Она освободила их от всего, что тысячу лет держало их в узде: власти собственности и семьи, от обязательств перед детьми и родителями, от необходимости трудиться и в поте лица зарабатывать свой хлеб. Она провозгла-сила на своих знаменах эту невиданную доселе свободу и отдала тысячу лет возделываемую землю отныне ото всего свободному человеку в полное пользование. Что сделал он - этот свободный человек, которому подарили свободу? Да, что он сделал, как только был предостав-лен самому себе - без не позволяющего ему безобразничать полицейского, пекущегося о нем помещика, без защищающей его армии, освобожденный от внушаемой ему морали и теплом лампы согреваемого в нем нравственного закона? Он тут же пристрелил полицейского, сжег помещичью усадьбу, а заодно разорил свою собственную, развалил армию и растоптал лампаду. Но раньше всего он забыл о Тебе. В первые же годы свободы он превратил великую страну, кормившую десятки государств, окормляющую народы и мир Светом Надежды, в кровавую пустыню и дошел до антропофагии уже не фигурально, а в натуре.

"Что оставалось делать власти, допустившей невиданный эксперимент для осуществления идеалов свободы, внушаемых человечеству тысячи и тысячи лет? Было две возможности. Дать дикому хаосу пожирания самих себя идти всё дальше - вглубь и вширь, выплеснуться за пределы страны, поглотить мир - и тем кончить Всемирную историю. Или остановить его, употребив вместо истершейся, ветхой ременной узды - узду стальную, которая только и могла обуздать, втиснуть в гранитные берега разгулявшееся Гуляй-поле. Неужто Ты знал о всей бездне человеческой низости? Знал и готов был предоставить ему безграничную свободу? Воистину Твой Замысел о человеке непостижим. Как непостижима безответственность такого Замысла. А власть чувствовала ответственность, понимала ее, взяла на себя, ибо думала не о тысячах Твоих безумных избранниках, для которых бремя Твое благо и иго Твое легко, радостно и горделиво роющих себе сегодня могилы, обвиняя нас в отступничестве, неискупимо греша судом над человеческим выбором. Власть думала о миллионах Твоих чад, соблазненных мифом о свободе и погибающих от нее, захлебываясь в собственной мерзости. Да, несомненно нужна была смелость, чтоб исправить заповеданное Тобой, и конечно, нам, немощным, это было бы не по плечу. Но Ты дал нам эту власть, ибо она была допущена Тобой. Ты вложил в ее руки карающий, огненный меч и тем указал путь Твоей Церкви. И мы поклонились Тебе в лице Тобой данной нам власти. Мечу кесаря поклонились мы. А власть дала человеку взамен хлеба, взамен только вредоносной для него свободы - истину о возможности построения рая на костях и крови.

Ты скажешь, как уже говорил, как твердили два тысячелетия Твои ученики и апологеты, что поскольку человек жив не единым хлебом, ограбь его, лиши хлеба, власть над ним всё равно не может быть абсолютной. Мы запомнили это и дали человеку подлинную свободу: отняв хлеб, мы освободили его и от совести - бесконечного соблазна и страшной муки. Зачем ему совесть, когда отныне он крепко, навсегда запомнил, что нет преступления, нет греха, нет тюрьмы, в которую Ты вверг его со времен Адама и он бьется в ней тысячелетия, не в силах никогда выбраться, потому что снова и снова грешит. А тут нет, не может быть греха, который не мог бы быть оправдан Великой

Целесообразностью!.. Ты видел этих свободных людей, разве им нужна совесть, разве они не радуются жалким крохам, сбрасываемым им с барского стола власти, разве они не забыли о крови, в которой выпачканы руки, дающие им куски ими же выращенного хлеба? Они счастливы уже тем, что им оставлена жизнь, что их руками возводятся невиданная в истории Вавилонская башня вот их надежда! Они поют и пляшут на площадях, у стен изуродованных храмов, которые их отцы и деды строили, защищали, в которых молились. Они доносят нам о каждой мысли соседа или брата, а свои собственные мысли уничтожают в зародыше. Мы заменили им совесть страхом, и этого оказалось достаточно, чтоб навсегда изменить поврежденную первородным грехом природу человека.

Ты скажешь, этого не может быть тотально, Ты видел храмы, на которых сияют кресты и хор всё еще поет Тебе "аллилуйя"? Да, мы оставили несколько храмов, но только как место для богослужения и совершения обряда, нам не нужен благовест, крестные ходы и громкая проповедь. Разве вера не должна быть тихой и сокровенной - неслышной? Мы даже позволяем отдельным членам создаваемого нами общества причащаться Твоим Телом и Кровью в оставшихся храмах. Пусть кто-то из Твоих избранников говорит, что мы даем им камень вместо хлеба, их голоса сегодня уже не слышны, а завтра об этом никто не вспомнит. Да и кто осмелится сказать, что не Ангелы, по учению Твоей Церкви, вершат в храме непостижимое и страшное чудо? Никто. Даже кичащиеся свободой гордецы, что роют себе сегодня могилы, даже они, умолкают, когда я напрямую спрашиваю их об этом... Да, мы сохранили и священников - но не всех, зачем этому стаду столько пастырей? Только тех, кто понял: нам нужны не служители Истины, не исповедники - надзиратели за сумасшедшими, вот кто нам сегодня нужен.

Что, грубо? По велению власти, Тобой попущенной - а у нас нет и быть не может других повелений, - оставшиеся церкви станут приютом для особой категории слабоумных, которые способны превратиться в буйно помешанных, если их вовремя не остановить... Сказано было, что человек ищет не столько Бога, сколько чудес. Кто, как не Ты, знал об этом? Знал и гордо отказался явить миру чудо, предложенное Тебе. Ты отверг чудо, а мы, немощные, созидаем его здесь, Твоими руками, силами попущенной Тобой власти, сначала проведя невиданный эксперимент, показавший человеку всю меру разрушительности его бессмысленной свободы, а потом, совершив второе чудо, стянув человека стальной уздой так, что он никогда об этой свободе не решится помыслить.

Неужто Ты - Всеблагий и Милосердный, не оценишь нашей муки, нашего подвига? Неужто не хватит у Тебя смелости понять несостоятельность Твоего Замысла и всё та же единая слезинка будет уравнена Твоей непостижимой арифметикой с миллионами кровавых слез? Неужто Ты не услышал, как стонет взбухшая кровью земля, по которой Ты только что прошел? Молчишь, не имеешь права ничего прибавить к сказанному однажды? У Тебя нет смелости на это, а одно лишь упорство и гордость, а мы навоз, который удобрит тучные пастбища Твоего Небесного Царства. Ты не нужен нам, Ты нам мешаешь. И на рассвете Тебя убьют..."

- Так это просто дьявол! - воскликнул Новиков.

- Ты сказал, - ответил Слава и ударил указательным пальцем о край стола. - Учтите, это еще один, следующий, самостоятельный - ваш шаг, потому что, заметьте, я ничего вам об этом не говорил. Даже о том, атеист ли мой герой, не решаюсь произнести суда.

- Нет, позвольте, - обозлился Новиков, на сей раз на себя, за то, что так долго слушал. - Это всего лишь набор софизмов, надуманность и примитив! Всё тот же "бунт", к тому же

явный плагиат, не более того... - тут он вздрогнул: над ними стоял официант с сонным лицом - Родион Яковлевич.

- Звали? - безразлично спросил он.

- Нет, - сказал Слава. - Впрочем, получите с нас. Или вам еще коньяка?

- Нет, - сказал Новиков, - с меня довольно.

Официант положил на стол счет, Новиков полез было в карман, но Слава остановил его.

- Я вас сюда привел, да и вижу - замучил, зачем вам еще нести материальный убыток? Верно, довольно с вас... Скажите лучше, Родион Яковлевич, - обратился он к официанту, - вы в церкви давно были?

- Чего? - открыл глаза официант. - В цирке?... У нас тут каждый вечер цирк - оставайтесь, сами увидите.

- Благодарю вас, Родион Яковлевич, - сказал Слава, - очень исчерпывающе.

Официант взял деньги, длинно усмехнулся и пошел, шаркая ногами, по залу. Слава проводил его глазами.

- Подождите, - никак не мог успокоиться Новиков. - Откуда вы взяли такого Старца? Да и потом... он искренен, что ли, перед собой лукавит или нет?

- Не знаю, - сказал Слава. - Вы сами, внутренне, быть может, не отдавая себе в том отчета, принимаете его логику. Она вас устраивает. Таких, как вы. А смелости дойти в этой логике до конца, до абсурда, у вас нет. Спасаетесь - и нет вам до других дела.

- Да оставьте меня-то в покое! - вскричал Новиков. - Какое у вас право строить такого рода обобщения и возводить поклеп на реальных людей, на Церковь? Да, были, есть корыстники и мерзавцы, да, страшную историю пережила Церковь за эти полвека и мучениками за веру просияла. Да хоть сегодняшнее ее бытие вас же и опровергает, ваш собственный путь из пустоты и безбожия, разрыв с родителями, привычной жизнью... Проврался ваш Старец, жива Церковь, а он обещал, что и Имени Христа не будут здесь знать? Не успели спародировать, а легенда уже устарела.

- Может быть, - тихо сказал Слава, он, видно, устал. - Дай Бог, чтоб устарела. У меня тут нет никакого честолобия. Тем более, верно, плагиат. Дай Бог. И наверно, не одни только корыстники и мерзавцы. А что Имя Бога забудут на этой земле - не Старец говорил, а Сталин. Но ведь Старец был на самом деле? И не просто один из многих - Великий Святитель, Патриарх. А иначе Церковь сегодня была бы другой.

- Но как вы осмеливаетесь разъять живое Тело Церкви - мученики, выходит, одна Церковь, а видимая, грешная, молящаяся сегодня в своих храмах - другая? Да почему - откуда?

- Не знаю, - упрямо сказал Слава, - так я это увидел. А "ваши радости - наши радости" - вам недостаточно? Разве не распинают Христа те, кто вступает в контакт с режимом, распинающим мучеников за веру, провозглашающих, что само Имя Бога на этой земле не будет произнесено? Если для вас это примитив, я ничего не могу прибавить.

Новиков молчал.

- Ну и чем вы закончили свою легенду? - спросил он вдруг. - Его расстреляли там, на Лубянке?

- Нет, - сказал Слава и тихо улыбнулся. - Я, как вы говорите, только пародист, если не плагиатор. Старец у меня, пока говорит, не смотрит на "собеседника". Он ведь больше с собой разговаривает. А когда кончил, внезапно увидел. Перед ним, на скамье в боксе, под двухсотсве-чевой лампой сидит зек в только что выданной ему из прожарки одежде без пуговиц, с черными штампами внутренней тюрьмы. И Лицо Его залито слезами. Тогда Старец опоминается. Он еще минуту вглядывается в тихое, невыразимо-прекрасное, страдающее Лицо, подходит к двери и стучит в нее посохом. Дверь тут же открывается, входит вертухай с мертвым лицом, без глаз. Старец вынимает из рукава рясы заготовленный заранее пропуск и говорит зеку: "Уходи. Уходи немедленно, потому что еще минута, и я упаду к Твоим ногам". И зек уходит вместе с вертухаем.

- А Старец? - спросил Новиков, как в подлиннике.

- Не знаю, - сказал Слава. - Я вам говорил, что и моего азарта не хватит на то, чтоб судить его.

- Несчастный, - вздохнул Новиков, - как же вы к причастию ходите после этого?

- Не знаю, для кого это большая трагедия, - ответил Слава, - для меня, который ее знает, или для вас, не желающего ничего слышать о ней.